

общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ на держанъ и самый путь къ осуществленію этого общества. Покрытое мракомъ непостижимости въ ветхомъ завѣтѣ, — въ новомъ божественное существо открываетъ свою внутреннюю жизнь, чтобы показать намъ, чѣмъ мы должны быть въ нашей родовой совокупности, въ чемъ наше *общее дѣло, нашъ долгъ*. Откровеніе начинается возвѣщеніемъ что въ божественномъ существѣ рождается, пребываетъ, *есть Сынъ* едиnorodный. Это величайшее откровеніе со стороны Бога и величайшее открытіе со стороны человѣка. Обращаясь къ себѣ, мы находимъ, что рожденіе есть и у насъ, какъ и во всей природѣ; но это рожденіе—безсознательное, невольное, слѣпое, оно есть постепенное отдѣленіе, отчужденіе сыновъ рожденных отъ рождающихъ отцовъ, и даже возстаніе первыхъ противъ послѣднихъ, оно есть, слѣдовательно, распадненіе.—*небратство*, — сыновъ, или же обратное соединеніе ихъ противъ отцовъ, это—эволюція или революція; и это потому, что рождающее не стало еще *«воспитывающимъ»* или *«образующимъ»* *всѣхъ сыновъ, какъ одного сына*, сына едиnorodного носящаго въ себѣ *«образъ»* Отца. Таковъ первоначальный смыслъ *«образованія»*, нынѣ произвольно понимаемаго и примѣняемаго въ дѣлѣ *«просвѣщенія»*, и согласно съ этимъ первоначальнымъ смысломъ, школы сыновъ и дочерей нельзя отдѣлять отъ *музея, какъ памятника отцовъ*.—Наука *всѣхъ* отцовъ, какъ *оъ* одномъ отцѣ, есть исторія, представляющая идеальное единство, не смотря на постоянные раздоры; наука есть сознаніе потому какъ отцѣ—праотцѣ. Если откровеніе со стороны Бога есть откровеніе совершенствъ, указаніе на долгъ, на то, что должно быть, то сознаніе своей виновности есть открытіе со стороны человѣка своего неподобія Богу. Сознаніе, что рожденіе наше стоитъ жизни отцамъ, что мы вытѣсняемъ отцовъ,—есть сознаніе нашей виновности. У насъ нѣтъ сына, какъ одного сына, сына едиnorodного, а потому если у нашихъ сыновъ и есть еще любовь къ отцамъ, то это-любовь безъ знанія и силы и не можетъ предохранить отцовъ отъ смерти.. Въ чемъ нашъ недостатокъ, наше недостойнство, это поясняетъ намъ дальнѣйшее откровеніе; оно говоритъ, что сынъ есть Слово Божіе, а безсознательно рожденное существо; и мы не можемъ не сознаться въ своемъ недостойнствѣ, нечистотѣ, ибо если мы и не отъ одной похоти рождаемся, то и не безъ нея. Сознвая, что и въ насъ есть также логось, разумъ (наука), —который какъ бы искупляетъ естественныя послѣдствія рожденія, возстановляя вытѣсненное рожденіемъ,—мы сознаемъ въ то же время, что это во становленіе происходитъ только въ области мысли. И откровеніе, какъ бы предупреждая уподобленіе нашего слова Божественному, указываетъ намъ, что Сынъ есть истинный Богъ, дѣйствительное Существо, а не мысленный только образъ Отца; и мнимое, мысленное, словесное только возстановленіе не было-бы Ему подобіемъ. Для дѣйствительнаго ему уподобленія нужно, чтобы генеологическое древо человечества было не древомъ только знанія, не древомъ жизни, въ коемъ внутреннее родство стало-бы явнымъ, внѣшнимъ, осязательнымъ, а не неопредѣленнымъ чувствомъ, какъ нынѣ есть. Говоря о сынѣ человѣческомъ, мы разумѣемъ, конечно, и дочь человѣческую, существо, неотдѣлимое отъ отца по идеи и цѣли. Говоря о сынѣ Божіемъ, разумѣемъ и Духа Божія, не сливая и не отдѣляя рожденія и извожденія этого двуединаго Существа